

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

Бред ли есть необходимость подробно представлять Фридриха Дюрренматта советскому читателю. У нас издаются многие его произведения, поставлены многие пьесы. «Физики» вошли в репертуар ведущих театров Москвы, Ленинграда, других городов страны. Телеверсия «Авария» была показана на ТВ. «Играем Стриндберга» и сейчас с успехом идет в московском Театре имени Ермоловой. Наряду с Мансом Фришем Фридрих Дюрренматт в нашей стране, как и во всем мире, — самый известный, самый читаемый и почитаемый швейцарский автор.

С точки зрения «структуры», по словам самого Дюрренматта, у обоих лидеров швейцарской литературы много общего. Антибуржуазная ангажированность, воинствующий,

е отнюдь не бунтарства социальная критика, острая реакция на злободневные проблемы цивилизации и культуры. Точность и притче, и мифологическим и историческим сюжетам, монтаж, постоянная смена ракурсов изображения.

И в то же время они — антиподы по своему художественному темпераменту. Фриш — автор, что называется, «головоной», книжный, его стихия — историко-культурная и философско-психологическая рефлексия. Дюрренматт — взрывной, импульсивный писатель с меткой интуитивной хваткой композиционного и идеального ядра вещи, с брызжащим бурлескным юмором. В нем есть что-то фальстафовское или, скорее, раблезианское — если понимать стихию Рабле прежде всего как жажду к жизни, как мощно развитый универ-

сальный аппетит, набрасывающийся на книжную культуру с не меньшей охотой, чем на атрибуты чувственных наслаждений.

Писатель долгое время не выпускал новых книг, казалось, отложил перо в сторону. В действительности же Дюрренматт вынашивал грандиозный замысел — подробно рассказать о своей жизни, своей творческой лаборатории. Речь идет о тех впечатлениях, встречах, влияниях, переживаниях, книгах, людях и т. д., которые могли стать или стали материалом его творчества. Весь цикл

так и назван — «Материалы». Намечено десять книг — отчетов о разных этапах жизни и творчества, выстроенных, однако, не хронологически, но «структурно» — по идейно-тематическим и формально-жанровым рубрикам. Первые три такие книги объединил недавно вышедший первый том «Материалов».

О том, какие проблемы волнуют его сейчас, о своих творческих замыслах Ф. Дюрренматт рассказал недавно в интервью корреспонденту «ЛГ».

Ю. АРХИПОВ

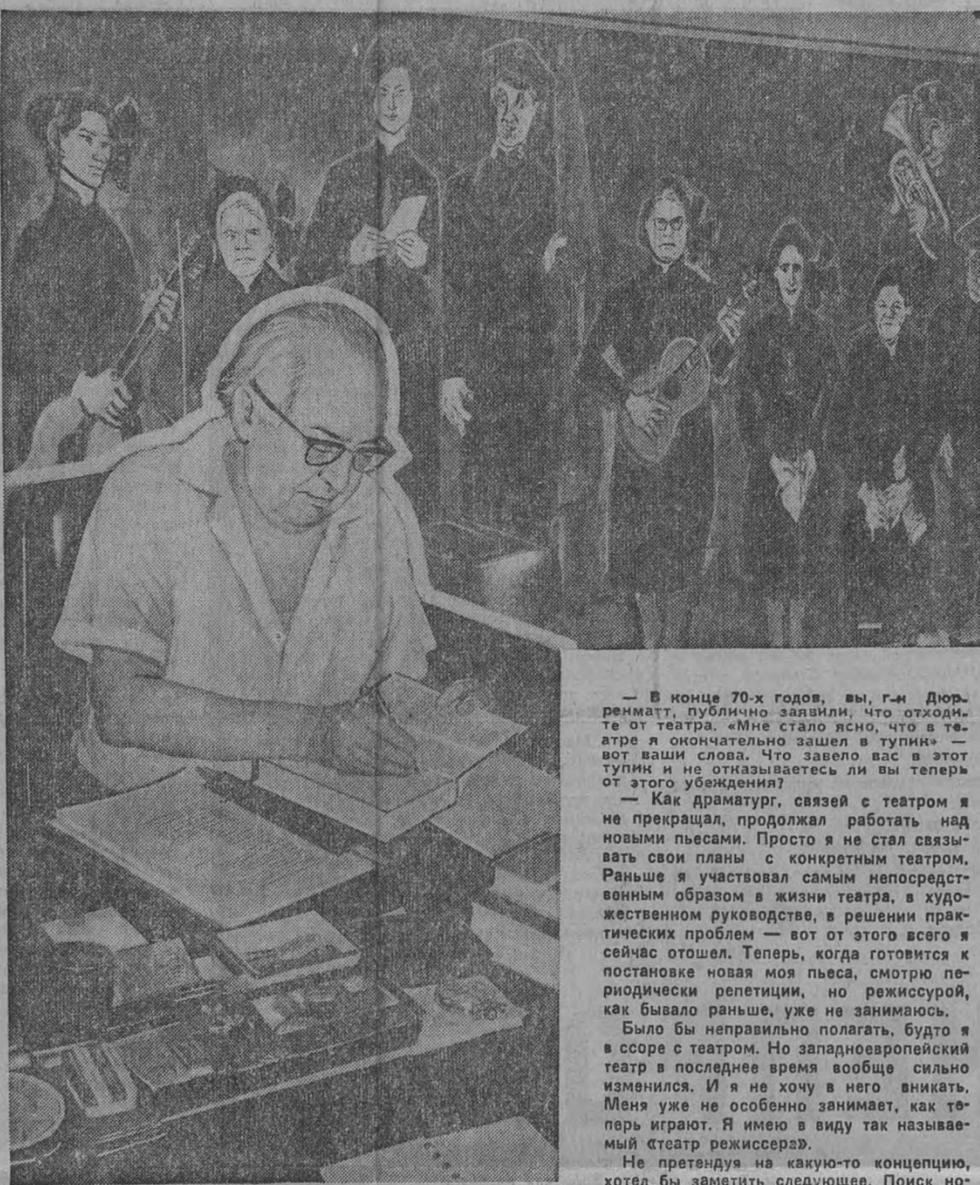

Фото Кристиана АНТЕНЕРА

относится к этому окружающему. Это был избраный им путь бунтарства. В маленькой Швейцарии, вынужденной годами жить в страхе перед нацистским нашествием в предвоенный период и в годы мировой войны, складывалось свое антифашистское сознание. Сдавленное официально барьерами, оно все же создало атмосферу, в которой выросло целое поколение швейцарцев.

Дюрренматт окружен мифами. Распространено представление, что он угрюм, раздражителен, неприветлив, очень резок, ведет жизнь затворника. Но мне довелось увидеть его веселым и добрым, мягким, деликатным.

Армин Арнольд пишет в книге о нем: «В основе своей Дюрренматт убежден в абсурдности человеческого существования; человеческие идеалы (справедливость, любовь, свобода и т. д.) покоятся на зыбкой почве, да и то лишь до тех пор, пока что-нибудь не нанесет им удара сознательно или случайно. Индивиду противостоит Ничто, и он беспомощен перед ним... Со своей безумной верой в технический прогресс че-

ловечество движется к собственной же гибели». Никогда не забуду, какое изумление было на лице Дюрренматта, когда я рассказал ему, каким его представляют такие вот биографы. Он махнул рукой:

— Я не читаю этого. — Простите, а то, что мы о вас напишем, тоже читать не будете?

— Нет, это другое дело. Вашу газету знаю. Номер пришлите непременно.

Думается, что мифы о нем строились на том, что его уничтожающую критику буржуазных нравов биографы успешно переносили на все человечество. Источник зла был перемещен с социальной системы на индивиду, на его натуру. Но писатель, конечно же, рисует тот мир, в котором живет.

Да, он сокрушитель прогнившего, но, как и всякий нормальный и порядочный человек, живет надеждой на торжество справедливости, на победу добра.

Анатолий ФРЕНКИН, сооб. корр. «ЛГ»

са казалась мне короче. Не знаю, откуда явилось такое ощущение, быть может, во время спектакля сам я был в очень веселом и нетерпеливом настроении.

...Сейчас я увлечен главным образом прозой. Наступает какой-то момент, когда проза вторгается в мою жизнь, прерывая работу для театра. Бывает, что одновременно пишу две-три вещи. Начинаешь одну, потом откладываешь ее в сторону и переходишь к другой. Затем возвращаешься к первой. А проза вообще требует времени. Писатель-романист словно участвует в беге на длинные дистанции, скажем, на 10 тысяч метров. А я как драматург привик, пожалуй, к средним дистанциям. Поэты-лирики для меня спринтеры, перед ними дистанция 100 метров. Так вот, от романиста требуются большая выносливость и терпение. В моей же работе нужно обладать и выносливостью, и скоростными качествами. На своих «средних дистанциях» я должен точно рассчитывать время. Когда пишешь пьесу, думаешь не только о действии, но и о композиции. Мне пришлось в этой связи изучать композицию музыкальных произведений разных жанров. В драматургическом театре слишком мало обращают внимания на «музыкальное построение» пьесы, на ее динамику, ограниченную строгими рамками времени. Для меня драма подобна дистанции 1500 метров, если воспользоваться взятыми уже сравнениями.

— В связи с последними вашими пьесами — «Соучастник» и «Срок» вас упрекали в том, что вы изменили где-то жесткой литературе в пользу фило-

софии. Но разве правомерно такое противопоставление? Разве может настоящая литература существовать без философского осмысления жизни?

— Я всегда исходил из определенных философских позиций. Литературное творчество и философствование для меня связаны, они не противостоят друг другу. — Та же пьеса «Соучастник» и более ранняя — «Физики» ставят вопрос об ответственности современной науки перед человечеством или — еще шире — об отношении к наукой, творческой интеллигенции. Считаете ли вы правильной такую трактовку этих ваших пьес, что все интеллигенты, мол, конформисты, помогающие творить зло в современном мире, исчерпывающая ли она?

— В перечисленных пьесах я имел в виду обычных простых людей. Отношение каждого человека к происходящему, к окружающим событиям, его участие в них — вот в чем, мне кажется, огромная проблема нашего времени. Речь идет о недостаточном сопротивлении людей различного рода политическим махинациям. Естественно, в центре этой проблемы отношение мыслящего человека к внешнему миру. Занятия античной философией побуждали меня вновь вспомнить о нравственных вопросах, которые для нынешнего мира стоят по-новому. А тема рока, судьбы, которой я касался, в частности, в «Физиках»? Что такое судьба? Человек выходит за рамки заранее предопределенного, в каких-то проявлениях он непредсказуем. В нашей жизни случаются события, о которых мы, по сути дела, и не думали раньше. Мы не рассчитывали, что такие вещи возможны, а они, однако же, происходят. А та игра с огнем, которая приобрела столь огромные масштабы? Она может стать форменным безумием, привести к катастрофе.

— В московском издательстве «Художественная литература» готовится к изданию одноименный ваш детективный романов. Какова, по вашему мнению, задача детектива — не бульварного, а настоящего художественного детектива — в современном мире?

— Мне как писателю приходилось заниматься всяким литературным трудом, добывая средства к жизни. За детективные романы я взялся, чтобы прокормить семью, и после первого же гонорара хотел покончить со своим следователем-комиссаром. Но предложили второй гонорар, и пришлось писать продолжение для одной из популярных газет. В итоге я даже попал в больницу от перенапряжения. Это к тому, что детектив для меня — ремесло. А что касается самой детективной литературы, то роль ее, конечно, от-

«НИКАКОЙ НЕ ПЕССИМИСТ!»

ответственна в деле воспитания человека в духе добра и формирования морали. В мире создана большая литература этого жанра известными писателями. Воспитательный потенциал таких книг весьма велик. Американские писатели, в частности, Чендлер, в ряде подобных книг подвергли ощутимой критике социальное устройство своего общества. Читатель узнает из них о коррупции и подобных явлениях. Таким образом, значение детективного романа довольно широко. А свою серию приключений я продолжал уже был не в силах. И я вернулся к драме, на свои любимые средние дистанции.

— Как нам известно, в последнее время вы уделяете много внимания философско-автобиографической прозе. В западноевропейской литературе это сейчас очень модный жанр, своего рода повторы. Как вы относитесь к этому повторы, исходя из собственного опыта? Что за ним, на ваш взгляд, стоит?

— Последняя моя книга «Материалы» характерна для этого направления. Это даже не автобиографический роман, это история моих размышлений. Взаимоотношения между философией, фантазией, переживаниями. Ведь способность к фантазии — огромная сила, которой наделен человек. Это, собственно, сила воображения. Заметьте, какие прекрасные слова, «Материалы» — это размышления о философии, литературе, живописи. Благодаря воспоминаниям можно воссоздать прежнее состояние событий. Примером художника-мыслителя для меня остается Гёте, его «Поэзия и истина». Обычные же автобиографии, как их пишут ныне, могут маскуить одним лишь перечислением се-

бытия. Иное дело воспоминания-размышления, которые типичны для человека в старости. Они ведь есть и у Льва Толстого, и у других писателей.

Перечитывая Платона, вспоминая «Божественную комедию» Данте, я думаю об этом духовном наследии прошлого. Философия для меня подобна великой литературной прозе.

— Не вступают ли ваши предыдущие ответы в противоречие со следующим высказанным вами мрачным убеждением: «У человека и человечества общее только одно — смерть. В этом смысле я, разумеется, промок гнибли. В строгом смысле слова существует только апокалиптическое искусство» — цитирую по книге американского литературоведа Тьюсанена. Не кажется ли вам, что в такой трактовке литература и искусство перечерчивают сами себя, становятся бесцельными?

— Высказывания, которые мне приписывают, — это какое-то недоразумение. Я не мог сказать ничего подобного. А если кто-то хочет представить меня тем самым пессимистом, то это не соответствует истине. Никакой я не пессимист! Если же имеют в виду споры о том, почему герои пьес умирают на сцене, так это совсем другое дело. Мне кажется, что именно перед смертью у человека обостряется образное ощущение жизни.

— По образованию вы художник. В свое время вы даже иллюстрировали свои произведения. Можно ли предположить, что литература по сравнению с изобразительным искусством дала вам возможность полнее выразить себя, или вы едины в двух лицах, и два вида искусства в вашем творчестве дополняют друг друга?

— Занимаясь я живописью время от времени, урывками. Вдруг наступает какой-то порыв, и я отдаюсь целиком рисованию. Это вопрос вдохновения. Живописцы, постоянно занятые только своим творчеством, счастливейшие люди. Пикассо видел одну и ту же сцену в бесконечных вариациях, воображение художника находится в эти моменты как бы в наркотическом состоянии... Что касается моих занятий живописью, то в последнее время я увлекаюсь больше портретом, в противоречий тут между литературным творчеством и живописью нет. Никим образом. К примеру, писать для театра можно лишь тогда, когда наглядно представляешь себе всю театральную сцену целиком. — Что вы можете сказать о новых тенденциях в швейцарской литературе?

— Не знаю, что ответить. Я настолько занят сейчас теорией познания и философией, что на современную литературу просто времени не хватает... НЕВШАТЕЛЬ